

ГЛАВА 1

— В этом есть нечто противоестественное, — с кислой физиономией сказала Римма. — Она является на воскресный ужин в шерстяном костюмчике а-ля баба Дуня, у нее растрепанные волосы, жуткие очки — и она счастлива!

— Римма, не будь злой! — шепотом одернул ее Юрий. — Все-таки она твоя сестра.

— Я не говорю, что желаю ей плохого, — отмахнулась та. — Я говорю, что это противоестественно. Больше года она замужем, и до сих пор ничего не случилось! С Элкой всегда что-нибудь случается — она жуткая неудачница. У нее такие гены, и с этим ничего не поделаешь.

— Римма, прекрати! — Юрий был полным, румяным и представительным. Очки сидели на коротком носу важно, словно несли государственную службу.

— Юрочка, ты не понимаешь. Когда у Элки очередная катастрофа, я знаю, что все путем, жизнь идет как надо. Но это странное

затишье... Да, конечно, она постоянно облива-
ется чаем и теряет вещи, однако это все
мелочи, все не то.

— Ты драматизируешь ситуацию.

— Да ладно! У тебя просто комплекс ви-
ны. Ты с ней познакомился, ухаживал, а же-
нился на мне.

— Нет у меня никакого комплекса! — на-
пыжившись, сказал Юрий. — И это не я на
тебе женился, а ты вышла за меня замуж. На-
учись называть вещи своими именами.

Римма закинула ногу на ногу и как бы
между прочим спросила:

— Не хочешь же ты сказать, что жалеешь?

— Конечно, нет! — с жаром ответил он. —
Просто... Элла очень цельная личность и за-
служила личное счастье. Несмотря на твое
вечное подтрунивание над ней!

— Да-да, конечно. Девушка с глазами ди-
кой серны! Я знаю, в Элке есть какой-то
шарм. Она привлекательна, несмотря на жут-
кие круглые очки, которые ей совершенно не
идут. Хоть ты ей скажи, что ли. Можно ведь
носить контактные линзы! Я прямо кожей
чувствую приближение какой-то драмы. Вот
увидишь, Астапов ее бросит! Не может быть,
чтобы она провела замужем целый год — и
ничего не произошло.

— Он ее не бросит. Ты же сама говорила, что Астапов женился по расчету, — язвительно заметил Юрий.

Мать Риммы и Эллы вышла замуж во второй раз за вице-президента солидного банка Бориса Михальченко. Астапов работал в том же самом банке начальником отдела.

— Кстати, а почему Астапова сегодня нет на семейной вечеринке? — спросил Юрий.

— Борис сказал, что руководство скинуло на него какого-то гостя. И он повел этого типа в Театр современной пьесы. Как ни странно, но без Астапова скучно.

В этот момент одомашненный вице-президент банка Борис Михальченко в спортивном костюме и велюровых тапочках, насвистывая, прошел мимо.

— У тебя сегодня хорошее настроение, я вижу? — спросила Римма. — Случилось что-то приятное?

— Точно. Мне пообещали вернуть старый долг. Разве не приятно? Я, наконец, смогу купить твоей матери машину, чтобы она перестала пользоваться моей и царапать ее обо все, что попадается на пути. Кстати, Юр, чего мы сидим, как на именинах? Предложи дамам какое-нибудь интересное занятие.

Юрий крякнул и сделал широкий жест рукой:

— Дамы! Давайте смотреть телевизор! Там сегодня хороший западный фильм.

— О, нет! — воскликнула жена Бориса Дана, повалившись в кресло. — Все хорошие западные фильмы насмерть изуродованы русской озвучкой. Поищите что-нибудь другое.

Дана была высокой и крупной, с королевскими манерами и громоподобным голосом. Она считала, что в жизни женщины важную роль играют три «м» — мозги, муж и маникюр. Мозги у нее наличествовали, маникюр она делала раз в неделю в салоне красоты возле дома, а нового мужа нашла не так давно в ресторане для гурманов. Он был младше ее на восемь лет, поэтому Дана считала второе замужество большим личным успехом.

— Устроит тебя ток-шоу «Затруднительное положение»? — подала голос ее младшая дочь Элла, переключив канал.

Очки ей действительно не шли. Новые дорогие она потеряла, потом потеряла менее новые и менее дорогие, так что остались только эти — старые и некрасивые. Она все откладывала поход в оптику, тем более что

Астапов почти никогда не видел ее в очках — дома она старалась обходиться без них, хотя это и было непросто при ее минус шести.

Что касается невезучести, то тут сестра была права на все сто. Участие Эллы в любом деле становилось гарантией того, что дело провалится. Когда она собиралась за покупками, магазины закрывались по самым разным причинам — от технических до катастрофических: такси, в которых она ехала, застревали в пробках, лифты зависали, в кассах заканчивались чековые ленты, а в пунктах обмена валюты заканчивалась валюта.

— А что это за «Затруднительное положение» такое? — пробурчала Дана. — Там что, выступают беременные женщины?

Борис захохотал за своей газетой.

— Даже я знаю! — принялся объяснять Юрий. — На передачу приглашают людей, которые попали в трудную ситуацию. Человек в камеру рассказывает о своей беде, и вся страна по телефону начинает давать ему дружеские советы.

— Чудовищно, — заключила Дана. — Но все равно давайте посмотрим.

Все, кроме Бориса, стали смотреть. Тот продолжал читать газету, постукивая ногой

по полу. После заставки на экране появился ведущий с волосами, завитыми под каракуль, и большим ртом, в котором запросто мог бы поместиться микрофон. Когда он улыбнулся, от его зубов зарябило в глазах.

— Здравствуйте, друзья! — торжественно провозгласил он. — Как всегда, по вечерам с вами я, Антон Григорчук, в ток-шоу «Затруднительное положение»!

Публика загрохотала и заулюлюкала, и Дана заметила:

— Симпатичный мальчик.

Борис тотчас же вылез из-за газеты, посмотрел на Григорчука и громко фыркнул. В знак солидарности Юрий тоже фыркнул. Обфырканный ведущий продолжал тем временем щебетать:

— И сегодня гостя нашей студии — Надежда Степанец, встречайте!

В студии появилась маленькая глазастая брюнетка, постриженная под Мирей Матье. Энергичной походкой она прошла к гостевому диванчику, свалилась на него и стала так и сяк складывать ноги.

— Ой! — громко воскликнула Элла и даже подпрыгнула от избытка чувств. — Это же кузина моего Астапова — Надя! Вы только посмотрите на нее!

Все и так смотрели. Дана даже придвинулась ближе к экрану.

— Вот это Надя? — переспросила она. — Значит, с ее ребенком ты сидишь по субботам? Шурик, кажется?

— Ну да! Наверное, Шурик тоже там. Интересно, а Астапов знает? Может, позвонить ему? — Элла уже хотела вскочить и броситься к телефону, но сестра, сделав мрачное лицо, не позволила.

— погоди, — сказала она и упреждающе вытянула руку. — Сначала послушаем, что скажет кузина. Что там у нее за затруднительная ситуация?

— Я пришла к вам на передачу, — начала Надя глубоким грудным голосом, — потому что у меня нет никого, с кем я могла бы посоветоваться.

— Она что, сирота? — спросил Борис и отбросил газету, которая пролетела через всю комнату, перебирая в воздухе страницами, после чего громко чавкнула о стол.

— Я сирота, — тут же подтвердила его догадку Надя, стиснув перед собой руки. — Родители умерли, когда мне было шестнадцать лет. А других родственников у меня нет.

— Как это нет? — громко и сердито спросила Элла. — А Астапов?!

— Зато есть близкий человек, — продолжала между тем сирота. — Именно из-за него я пришла сегодня в студию. Мне очень нужен совет.

Надя закусила губу. Из правого глаза у нее выкатилась большая бриллиантовая слеза и, остановившись на щеке, немного попозировала перед камерой. Моторный Григорчук тем временем забегал по студии, представляя телезрителям остальных своих гостей — психолога Михаила Анцыповича, краснотубого дядьку с мохнатой черной бородой, похожего на Карабаса-Барабаса, модную писательницу Ирму Скандюк и инициатора возрождения кулачного боя Дмитрия Куроедова. Все трое, судя по их виду, чувствовали себя очень хорошо и уже изготавились слушать драматичный рассказ Нади.

То, что рассказ будет именно драматичным, стало ясно без слов. У Нади сделалось вдохновенное лицо — брови сдвинуты, губы плотно сжаты.

— Итак, расскажите нам, Надя, о своем близком человеке, — поощрил ее Григорчук, пристраиваясь на самом краешке стула напротив гостьи.

— С Игорем мы познакомились шесть лет назад, — послушно начала та, глядя в камеру.

— Ее близкого человека тоже зовут Игорем. Как Астапова! — громко сказала Элла и наклонилась вперед, чтобы ничего не пропустить.

— Он работал в банке, — продолжала Надя, — а я продавала цветы в маленьком магазинчике на углу. Мы сразу понравились друг другу.

— Ее Игорь работал в банке... — пробормотала Элла. — Как Астапов.

— Он часто покупал цветы? — с любопытством спросил ведущий.

— Да, очень часто! — оживилась Надя.

— А для кого, если не секрет?

— Для своей первой жены, — застенчиво ответила та.

Публика, гнездящаяся в студии на пластмассовых стульях, выстроенных лесенкой, заворчала. Было непонятно, одобрительное это ворчание или наоборот.

— Шесть лет назад Астапов, кажется, еще был женат в первый раз, — задумчиво провозгласила Римма со своего места.

— Игорь был еще женат, — поспешно пояснила Надя, — но жена уже грозила подать на развод.

— Ага, — кивнул Григорчук. — И он ее задабривал цветами.

— Только она все равно ушла. И я тут совершенно ни при чем. У них были давние разногласия. Мы стали встречаться, и когда Игорь наконец развелся, я решила, что теперь нам ничто не мешает быть вместе.

— Вы рассчитывали, что ваш любовник предложит вам выйти за него замуж? — уточнил Григорчук коварным тоном.

— Конечно, я рассчитывала. Мы ведь любили друг друга!

— И что же произошло?

— Игорь сказал, что пока не готов жениться снова. Что ему нужно прийти в себя после развода.

— И что же сделали вы?

— Я? — Надя обезоруживающе улыбнулась. — Родила ему ребенка, Шурика.

Дана и ее старшая дочь мрачно переглянулись. Юрий принялся протирать очки, а Борис демонстративно закинул ноги на журнальный столик и скрестил руки на груди. Элла никак не реагировала — она молча смотрела на экран.

— И тогда он... — широко улыбнулся Григорчук, предлагая Наде продолжить фразу.

— И тогда он сказал, что никогда не бро-

сит Шурика. Но жениться все равно не хотел. Почти пять лет мы прожили отдельно, — продолжала Надя, стопроцентно уверенная в том, что она выступает в роли положительной героини. — А недавно Игорь купил для нас с сыном новую квартиру.

Публика в студии снова зашумела. Судя по лицам, женщинам импонировал поступок Игоря, а мужчинам — нет.

— Я надеялась, что со временем Игорь признает нас своей настоящей семьей...

Надя напрягла указательные пальцы с длинными бордовыми ногтями и промокнула ими уголки глаз. На лицах Анцыповича и Куроедова появилось глубокое сочувствие, писательница же Скандюк смотрела на гостью студии с ухмылкой.

— Чуть больше года назад, — продолжила Надя, — Игорь признался, что его материальное благополучие, а значит, и наше с Шуриком тоже, находится под угрозой. У него возникли какие-то неприятности на работе, ему грозили увольнением. Увольнение означало профессиональную гибель — его больше не взяли бы ни в один банк. Единственным спасением был брак по расчету. Игорь сказал, что если женится на дочери начальника, то все обойдется.

— Он как бы спрашивал у вас разрешения? — уточнил Григорчук.

— Что-то вроде того.

— И вы согласились?

— А что я могла поделать? — обиженно спросила Надя. — У меня маленький сын!

Элла Астапова почувствовала, будто в сердце ей вонзили что-то горячее и поворачивают это что-то то в одну сторону, то в другую, причиняя невероятную боль. Никто не шевельнулся, и когда шкодливый кот Брысяк с откушенным неизвестно кем ухом вошел в комнату и мяукнул, все одновременно вздрогнули.

— Пошел вон! — крикнул Борис, бросил в кота тапкой и не попал. Брысяк равнодушно обошел обувь и потерся мордой о голую ногу хозяина.

Тем временем студия продолжала подогреваться рассказом бедной Нади.

— Вот уже год Игорь женат. Его положение на службе стабилизировалось, но он не хочет разводиться с дочерью начальника и ставить себя таким образом под удар. Но и я не хочу больше терпеть его жизнь на два дома!

— А вам не приходила в голову мысль, — спросил Григорчук, с победным видом огля-

дывая публику, — что ваш Игорь просто влюбился в свою жену?

— Нет, ну что вы! — искренне изумилась Надя. — Во-первых, она меня старше. Мне двадцать пять, а ей тридцать. И во-вторых, она не очень интересная.

— А вы что, встречались? — мгновенно среагировал ведущий и хищно раздул ноздри.

— Понимаете, — слегка смутилась Надя, — мы с Игорем и так редко видимся, поэтому он решил не прятать меня от своей новой жены.

Озадаченный Анцыпович почесал бороду, Куроедов сказал: «Ни фига!», а долговязая писательница Скандюк азартно хлопнула себя по острой коленке.

— Ка-а-ак? — озвучил немой вопль публики Григорчук. — Он что, познакомил вас со своей женой и представил: вот, мол, дорогая, моя любовница! Так, что ли?

— Он сказал ей, что я — его двоюродная сестра, — скромно потупясь, призналась Надя.

Элла громко сглотнула, и Дана тотчас же придвинулась к дочери и крепко взяла ее за руку.

— Надо выключить эту дрянь! — заявила она, пылая негодованием.

— Не смей! — тотчас же запретил Борис. — Мы должны точно знать, как обстоят дела.

— А я говорила! — подхватила Римма. — Говорила, что все будет плохо!

— Замолчи! — шикнул Юрий. — Дай до-слушать. Борис прав: мы должны знать, с чем имеем дело.

Григорчук тоже сгорал от любопытства, поэтому продолжил расспросы.

— Вы что же, ходите друг к другу в гости?

— Случается, — застенчиво ответила Надя. — Но чаще всего мы с Игорем оставляем ей нашего ребенка, а сами отправляемся в ресторан или на концерт.

— Твою мать! — в сердцах воскликнул Борис.

Элла зажала рот рукой, чтобы случайно не издать какого-нибудь ужасного звука. Римма механически гладила забравшегося на колени кота. Брысьяк урчал, с остервенением вонзая в нее когти и удивляясь про себя, почему его не бьют по лапам.

— Не кажется ли вам, что это уж слишком? — Григорчук сделал большие глаза, как будто никогда не слышал о людском коварстве.

— Но мы же должны хоть изредка побыть вдвоем! — искренне возмутилась Надя.

— Вы могли бы отдать ребенка маме вашего Игоря.

— Она ничего не знает.

— Тогда нанять няню.

— Это дорого. Но знаете что? Я не чувствую себя виноватой. Если жена Игоря такая дура, это ее проблемы.

— Что же в таком случае привело вас сегодня в студию? — задал резонный вопрос ведущий.

— Я хочу заставить Игоря развестись с женой и жениться на мне. В конце концов, у нас растет сын! Но я не знаю, как правильно себя вести.

— А Игоря вы проинформировали о том, что решили прийти на наше ток-шоу?

— Нет, — коротко ответила Надя. — Не думаю, что он был бы доволен. Однако я в отчаянном положении и рассчитываю на помощь телезрителей и тех людей, — она с подозрением смотрела на мерзко ухмыляющуюся писательницу Скандюк, — которые пришли сегодня в студию, чтобы меня поддержать.

— А кто вам сказал, — неожиданно пода-